

*Книга посвящается моему мужу,
Евгению Петровичу Николаеву*

От автора

В книге идет речь о некоторых аспектах творчества и особенностях художественной манеры классиков американской литературы девятнадцатого века Эдгара По и Генри Торо, Ральфа Эмерсона и Германа Мелвилла, а также писателей века двадцатого — Фрэнсиса Скотта Фицджеральда и Эрнеста Хемингуэя. В нее вошли статьи разных лет, опубликованные в научных журналах, с некоторыми изменениями и дополнениями.

Читатель познакомится с философией Э. По, сформулированной в нескольких его рассказах, письмах, статьях и маргиналиях. Представленная на страницах этой книги «картина мира» американского классика позволяет по-новому оценить особенности его художественного таланта. В творчестве Э. По, которого многие считают самым «неамериканским писателем», мы находим отклик на острые политические проблемы современной ему Америки.

Следующие две главки посвящены различным аспектам американской романтической утопии, как она виделась двум великим писателям — Ральфу Эмерсону

и Генри Торо, а также эволюции взглядов Эмерсона и его философии культуры.

Публицист, критик и общественный деятель, Маргарет Фуллер символизирует связь культур Европы и Америки. Обзор ее деятельности на посту редактора журнала «Дайел», бывшего рупором идей американского трансцендентализма, передает специфику культурной атмосферы Новой Англии той поры.

Рассмотрению фантастического в романе Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» посвящена следующая глава. Признание писателя о том, что в книге есть «тайный девиз», который связан с присутствием в ней сверхъестественного, демонического начала, заставляет переосмыслить образ главного героя романа, капитана Ахава. Это не «романтический индивидуалист, стремившийся к непреходящим, высшим ценностям», а безумный, одержимый дьяволом капитан, фанатично ведущий свой корабль к гибели. Месть как иррациональная, ослепляющая страсть, внушенная герою самим сатаной, выделена Мелвиллом как основная тема книги. Переосмыслен и образ-символ Моби Дика, которого многие исследователи ошибочно трактуют как воплощение «мирового зла».

Писателей XIX и XX веков связывает фигура Генри Адамса. В его художественном наследии особое место занимает автобиография «Воспитание Генри Адамса». В ней автор уделяет пристальное внимание проблемам демократии и власти. «Власть», по Адамсу, это вид «энер-

гии», которая для него становится категорией онтологической. Интерес представляет и эволюция его мировоззрения. Философия Г. Адамса обретает черты, близкие прагматизму, как понимал его Уильям Джеймс.

Новый взгляд на роман Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» предложен в посвященной ему главе. Сочетание художественного вымысла и исторических фактов придает роману особый характер, требующий и нетрадиционного метода анализа. Краткий обзор трактовок романа в американской и отечественной критике позволяет понять, что общей чертой этих исследований является идеализация главного героя. Стремясь прояснить характер Гэтсби, автор данной публикации прослеживает его путь в Нью-Йорке — от вернувшегося из Европы офицера без гроша в кармане, который согласился работать на мафию, — к бесславному концу человека, ставшего одним из лидеров организованной преступной группировки. Такой взгляд на героя многим покажется неожиданным, однако знакомство с политической и социальной обстановкой в Нью-Йорке и Чикаго 1920-х годов, убедительно свидетельствует о верности сделанных в статье выводов.

Война и ее последствия, как они представлены в малой прозе Хемингуэя 1920–1930-х годов, — тема следующей статьи. Опыт участия писателя в Первой мировой и греко-турецкой войнах нашел отражение не только в романе «Прощай, оружие!», но и в ряде рассказов, в том числе в «Естественной истории мертвых», «Какими вы не будете», «На Биг-Ривер», в миниатюрах сборника

рассказов «В наше время». Сравнение поэтики военного репортажа и рассказов, написанных с использованием того же документального материала, высвечивает художественное новаторство писателя.

О нескольких романах Джона Гарднера пойдет речь в предпоследней главе книги. С расстояния почти полувека становятся виднее особенности его творческой манеры — верность традиции американских романтиков и философский характер прозы. Гарднер осознанно противопоставлял себя постмодернистам, с которыми вел ожесточенную полемику, утверждая «моральное» искусство в теории и на практике.

Завершающая книгу глава открывает для русскоязычного читателя новые имена — Синтии Ширер, Адрии Бернарди, Хауарда Бара, Томаса Диджи. В своем творчестве все они продолжают гуманистические традиции писателей США XIX века.

Книга адресована студентам и аспирантам филологических специальностей, а также тем, кто интересуется литературой США.

«Американские» рассказы Эдгара По

Популярный миф об оторванности Эдгара По от своего времени оказался довольно живучим. В критике на долгое время утвердился образ Э. По как «мрачного гения», хотя он плохо сочетается с представлением о По юмористе, писателе, которого считают основателем детективного жанра. Поколебать бодлеровскую традицию в оценке По оказалось невероятно трудно. И все же, исследования последних десятилетий помогают лучше оценить особенности творчества писателя, который хорошо знал современную ему американскую жизнь — и подвергал ее критическому анализу. На страницах его рассказов мы найдем приметы времени и места, услышим отголоски споров, которые велись в американской литературе 1830–1840-х годов¹.

¹ Подробнее об этом см.: *Осипова Э.Ф.* Загадки Эдгара По. Исследования и комментарии. СПб.: Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2004.

* * *

О хорошем знакомстве По с политическими и социальными проблемами своего времени свидетельствуют многие рассказы — «Делец», «Mellonta Tauta», «Надувательство как точная наука», «Разговор с мумией», «Человек, которого изрубили в куски», «Система доктора Смоля и профессора Перро», «Как была набрана одна газетная заметка». Свое отношение к политическим событиям Эдгар По выразил в рассказах-аллегориях и сатирических рассказах, содержащих зарисовки нравов современной ему Америки.

Однако не все мишени его сатиры выявлены с достаточной степенью определенности, не все намеки разгаданы. В отечественном литературоведении мало исследован рассказ с трудно переводимым названием «Человек, которого изрубили в куски» (*The Man That Was Used Up*), впервые напечатанный в августе 1839 года в журнале «Бертонз джентльменз мэгэзин». Правильнее было бы передать это странное название иначе, а именно: «Человек, от которого не осталось ничего». Для понимания смысла этого небольшого произведения важен подзаголовок — «Повесть о последней Бугабуско-Кикапуской кампании». Речь здесь идет о герое «недавней» войны с индейцами, в которой он потерял все члены тела — а также зубы, гортань и скальп. От героя *практически ничего не осталось* — именно этот факт засвидетельствовал рассказчик, пришедший к нему домой утром, дабы разгадать секрет необычайной популярности генерала.

Многие критики выделяют лишь одну тему рассказа — несоответствия видимости и сущности. При таком прочтении неясными остаются подзаголовок и смысл многих деталей. В самом деле, причем тут кампания, да еще с какими-то бугабугами? Попробуем разобраться в том, что скрывается за этими словами.

В середине 1830-х годов американское правительство вело жестокие войны с индейскими племенами — семинолов, кикапу, криков, сауков и фоксов. Оно стремилось вытеснить аборигенов с занимаемых ими земель и переселить в Оклахому. Действия американской армии отличались большой жестокостью, а провокации и предательство были для них обычной практикой. Так, вождь семинолов Оцеола, герой второй семинольской войны, в 1837 году был приглашен для переговоров в Сент-Огастин, захвачен в плен и вскоре умер в тюрьме Чарльстона. В 1832 году войска вели войну с индейцами сауков и фоксов, в результате которой было уничтожено все племя сауков, а его вождь Черный Орел посажен в крепость Монро, штат Вирджиния. В сентябре того же года между генералом Скоттом и индейцами в форте Армстронг был подписан договор, по которому власти получили всю восточную Айову. Против несправедливых войн с индейцами выступали немногие, среди которых был Ральф Эмерсон. Он даже обращался по этому поводу с протестом к американскому президенту.

Эдгар По выразил свой протест иносказательно. В то время, когда шла вторая семинольская война,

а именно в 1835–1842 годах, он пишет о «недавней кикапуской кампании». Для прояснения своего к ней отрицательного отношения он добавляет словечко *bugaboo*, которое означает *fancied object of fear; false belief used to intimidate or dissuade* (в русском переводе — «пугало, бука», — что явно не передает всех коннотаций слова). Как же автор рассказа описывает «героя» упомянутой кампании — и кто мог быть объектом злой сатиры По?

Критики называют разные имена — генерала Уинфилда Скотта, вице-президента Ричарда Джонсона, Уильяма Генри Гаррисона, который подавил восстание индейцев под предводительством Текумсе². Американский исследователь Роберт Бьюка считает образ генерала Джона А. Б. В. Смита собирательным, характерным для джексоновской Америки³. Однако среди возможных мишеней язвительной сатиры По он не упоминает самого генерала Эндрю Джексона, хотя такая трактовка представляется весьма убедительной. Э. Джексон, президент США в 1829–1837 годах, отличился в нескольких индейских

² Об этом см.: *Beuka R. The Jacksonian Man of Parts: Dismemberment, Manhood, and Race in "The Man That Was Used Up" // The Edgar Allan Poe Review. Spring 2002. Vol. III, № 1. P. 27–41.* «В своем первом "американском" рассказе, — пишет Р. Бьюка, — По буквально разобрал на части своего героя, развенчав тем самым принцип крайнего индивидуализма (*rugged individualism*), центральный для Америки времен президента Джексона» (*Ibid.* P. 32).

³ *Ibid.* P. 30–31.

войнах. Он одержал победу над индейцами племени крик в 1814 году, а в 1818-м подавил восстание индейцев-семинолов. Позже «Old Hickory» (или «крепкий орешек», как его шутливо называли) вошел в историю как основатель Демократической партии, много сделавший для укрепления демократии в Америке. Но он же поощрял систему государственной коррупции (system of spoils), расцветшей пышным цветом в годы его президентства. Известно, что Эдгар По не относился к сторонникам Демократической партии, и деятельность Джексона на посту президента вряд ли получила бы его положительную оценку. Наверняка он не забыл и послужного списка генерала, в котором были такие позорные страницы, как войны против индейцев с целью расширения территории для американских поселенцев⁴.

Генерал из рассказа По не вызывает читательских симпатий. Это грубый, заносчивый человек, считающий своего черного слугу Помпея существом низшей расы. Его речь отрывиста, по-военному резка, в выговоре проskalзывают простонародные словечки. Он упоминает о «кровавой бойне» и «жарком деле», суть которого не уточняет. Но окружающие знают о его «подвигах» и — восхищаются им. Одну и ту же характеристику бывшему генералу дают самые разные персонажи, в основном дамы, бывшие от него без ума. Шесть раз — на светском рауте,

⁴ *Meyers M.* The Jacksonian Persuasion. Politics and belief. Stanford: Stanford University Press, 1957. P. 3.

в церкви, на приеме, в театре, в разговоре со знакомыми — рассказчик слышит одни и те же слова: «отчаянная голова» (*desperado*), «*замечательнейший* человек нашего времени», «нет ему равных», «он проявил чудеса храбрости», «покрыл себя неуязвимой славой». И еще: «Он настоящий лев — в *этом* не сомневайтесь. Он проявил храбрость, так сказать, в определенном смысле (*to some purpose*) — в недавней схватке с индейцами букабу и кикапу в болотах там, на Юге»⁵.

Отношение американской публики к индейским войнам и к индейцам («кроважидные дикари», «мерзавцы», «бандиты») представлено в весьма язвительной манере. Резкое неприятие этих войн автором очевидно. Об этом говорит и портрет «героя». Его волосы, бакенбарды, зубы, плечи, грудь, торс, ноги и глаза описаны в такой же гротескной манере, как и портрет Лигейи в одноименном рассказе — хотя и в совершенно ином ключе. Обращает на себя внимание любопытная деталь: глаза генерала были вдвое больше обычных человеческих глаз. Попутно Эдгар По высказывает свое отношение к френологии, законы которой переносит буквально — с головы на ноги. Рассказчик описывает «легкую выпуклость в районе зад-

⁵ *Poe E.A. Tales & Sketches / Ed. T. Mabbott. Urbana & Chicago: University of Illinois Press, 2000. P. 380.* Здесь и далее перевод мой, за исключением специально оговоренных случаев. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте: например, Mabbott, 380.

ней части fibula⁶, которая придает икре хорошую форму» (Mabbott, 379). Момент этот, кстати, упущен в переводе Н. Демуровой. Итак, герой, «гроза индейцев», является объектом всеобщего поклонения, даже обожания. Давая такую трактовку военных подвигов бравей-генерала, По в манере легкого бурлеска, но вполне определенно, высказывает свое отношение к стереотипам общественного мнения, в частности расовым предрассудкам.

О том, что в рассказе содержится политическая сатира, говорит и расхожая фраза «used up». Во время президентской кампании 1840 года, по словам Т. Мэбботта, противники Мартина Ван Бьюрена (сменившего в 1836 году Эндрю Джексона на посту президента) распевали песню, начинавшуюся словами: «Van, Van's a Used Up Man» (Mabbott, 377). В этих словах звучит насмешка над человеком, который больше ни на что не способен, «от которого ничего не осталось». Ван Бьюрен, кстати, потерпел поражение на выборах 1840 года.

В отечественной американистике рассказ практически не рассматривался. Исключение составляют главка в монографии А. П. Ураковой⁷ и статья О. Ю. Анцыферовой.

В трактовке последней этот рассказ — всего лишь «комически приземленная история героя современных военных кампаний, пользующегося последними достижениями

⁶ Fibula (лат.) — малая берцовая кость.

⁷ Уракова А. П. Комический образ тела-текста // Поэтика тела в рассказах Эдгара По. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 93–98.

американской науки и техники», героя, над которым «витают неистребимый дух вечно прекрасной Лигейи»⁸. Таким образом, о политическом контексте произведения речь в этих публикациях не идет.

В двух других юморесках на американские темы, «Дельце» (*The Business Man*, 1840) и «Надувательстве как точной науке» (*Diddling Considered as One of the Exact Sciences*, 1845), описаны реалии американской жизни 1830-х годов. Но звучат они удивительно злободневно. Во времена Эдгара По среди американцев укоренился дух коммерции и предпринимательства, причем для достижения успеха все средства были хороши. Общество сотрясали финансовые скандалы. Банковские махинации, аферы, спекуляции землей стали приметами времени. Об этом писал, в частности, француз Мишель Шевалье, посетивший Америку в 1833–1835 годах, почти одновременно с Алексисом де Токвилем. Свои наблюдения он изложил в книге «Общество, нравы и политика в Соединенных Штатах» (в английском переводе она вышла в Бостоне в 1839 году). «Большинство сделок, — писал он, — заключается непродуманно, многие — по глупости. Сегодняшний бум наверняка сменится кризисом завтра. Весной, словно из-под земли, возникают большие состояния, од-

⁸ *Анциферова О.Ю.* Литературная автопародия в новеллах Эдгара Аллана По // Эдгар Аллан По. Эссе, материалы, исследования. Краснодар: Кубанский гос. университет, 2000. Вып. 3. С. 117.

нако многие из них туда и вернуться уже к зиме. Но американцы не делают из этого трагедии. Их нервам нужны сильные эмоции <...>. [О]ни пускаются в деловые предприятия, чтобы испытать сильные чувства; без этого они не представляют себе жизни»⁹.

Так говорил современник Эдгара По. А вот свидетельство известного историка Ричарда Хофштедтера. Президентство Эндрю Джексона, отмечал он, сотрясали финансовые скандалы; «банковская война», которую Джексон вел с главой банка США Николасом Биддлом, хотя и способствовала разрушению монополии банка, в конце концов, ввергла страну в кризис 1837 года¹⁰. Отзвуки этих событий можно найти и в названных выше рассказах Эдгара По. Так, Питер Проффит из рассказа «Делец» рассуждает о разных, весьма забавных, хотя и совсем не безобидных для окружающих способах заработать деньги: «Я сам не из тех, кто занимается вымогательством, но уж и меня тоже не тронь. Конечно, против банков, этих обдирал, я был бессилён (the frauds of the banks of course I couldn't help) <...>. Но ведь это не люди, а корпорации, а у корпораций, как известно, нет ни тела, которое можно поколотить, ни души, которую

⁹ *Chevalier M.* Speculations in Land, Railroads, and Banks // Ideology and Power in the Age of Jackson / Ed. E. C. Rozwenc. Garden City, New York: Anchor Books, 1964. P. 27.

¹⁰ *Hofstadter R.* American Political Tradition and the Men Who Made It. New York: Alfred Knopf, 1948. P. 56–65.

можно предать вечному проклятию»¹¹. Здесь подспудно звучит личный мотив. Дело в том, что По сам пострадал от банкротства банков. В письме Томасу Уайетту в апреле 1841 года он упоминал, что из-за банковского кризиса он отказался от издания собственного журнала (Mabbott, 492).

Писатель хорошо знал реалии американской жизни, о которой так язвительно писал. О разнообразных видах мошенничества и различных способах отъема денег он повествует в рассказе «Надувательство как точная наука», написанном в форме шуточного эссе. Интересна история его создания. Э. По использовал тему и даже заголовок (в первой редакции) фарса Джеймса Кенни «Украсть и смыться», поставленного на лондонской сцене в 1803 году. Пьеса неоднократно шла в Америке; в ней, кстати сказать, выступал отец писателя (Mabbott, 868). Рассказ По стал очень популярен, а после его смерти даже издавался в качестве руководства для начинающих¹². Мошенники у Эдгара По словно списаны с натуры, а вернее — сошли со страниц газет. Доверчивость, легковерность, жадность — вот черты американцев, на которые делают ставку жулики вроде Джереми Диддла — и выигрывают.

¹¹ По Э.А. Собр. соч.: В 4 т. М.: Пресса, 1993. Т. 4. С. 61. (Перевод И. Бернштейн.)

¹² Некоторые из описанных в рассказе приемов напоминают те, к которым прибегал Остап Бендер, вроде взимания денег «с целью капитального ремонта Провала».

Через тринадцать лет Герман Мелвилл изобразит в романе «Искуситель и его превращения» (*The Confidence-Man: His Masquerade*) похожие качества американцев. Однако действие там будет иметь черты сверхъестественного, а в главной роли выступит сам искуситель — Сатана. Традицию Э. По продолжают Марк Твен и Брет Гарт.

Изображение человеческих пороков принимает у По форму комического.

Исследователи, однако, нередко отказывают писателю в чувстве юмора. Так, Ван Вик Брукс писал в книге «Мир Вашингтона Ирвинга» в 1944 году: «Некоторые рассказы <По> смешны, но именно поэтому они кажутся самыми зловещими, поскольку в юморе По не чувствуется тепла»¹³. В том же духе высказывалась Констанс Рурк за несколько лет до Брукса: «Его смехом правил единственный закон: это был бесчеловечный смех, перемешанный с истерией <...>. Верхом его желаний был триумф, знакомая цель популярной комедии. Ради такого финала он в своих бурлесках и экстраваганцах представлял человеческие лица и черты характера с невероятными искажениями, используя такую гротескность, которая лежит где-то посередине между комическим и страшным»¹⁴. Высказывания Констанс Рурк и Ван Вик Брукса на какое-то

¹³ *Brooks V. W. Poe in the South // The World of Washington Irving. Kingsport, Tn.: E. P. Dutton & Co., 1944. P. 279.*

¹⁴ *Рурк К. Американский юмор. Исследование национально-го характера. Краснодар, 1994. С. 151. (Перевод Л. Башмаковой.)*

время повлияли на восприятие Эдгара По как писателя, «лишенного чувства юмора». Это заблуждение легко опровергается внимательным прочтением его рассказов — как «страшных», так и юмористических.

Определяя черты, присущие американцам, Э. По подчеркивал их невинную склонность гордиться своими техническими достижениями, а также хвастовство (*brag*), ставшее национальной чертой. Он осуждал конформизм своих соотечественников, их склонность вершить скорый суд над «инакомыслящими», который представлял унижительную для человека процедуру: его вымазывали дегтем и вываливали в перьях. Упоминание об этом специфически американском явлении мы найдем в рассказах «Как была набрана одна газетная заметка» (*X-ing a Paragrab*, 1849)¹⁵, «Прыг-Скок» (*Hop-Frog*, 1849) и «Система доктора Смоля и профессора Перро» (*The System of Doctor Tarr and Professor Fether*, 1845).

В рассказе «Система доктора Смоля и профессора Перро» действие происходит на юге Франции. Однако это не мешает нам увидеть некоторые черты американской жизни, слегка прикрытые французским антуражем. Рассказ По, как считает американский ученый Кевин Хейес, представляет собой широкую социальную сатиру.

¹⁵ Подробнее об этом см.: *Осинова Э.Ф.* Американский контекст в рассказе Эдгара По «Как была набрана одна газетная заметка» // Эдгар Аллан По. Эссе. Материалы. Исследования. Вып. 3. Краснодар: Краснодарский гос. университет, 2000. С. 119–124.

Э. По взял в качестве объектов, пишет он, «американский Юг, да и Север тоже, современную ему систему образования и науку врачевания, буржуазные взгляды на традицию и обновление, на популярную литературу»¹⁶. Не вполне соглашаясь с критиком относительно мишеней сатиры По, замечу, что сама мысль о социальном значении рассказа справедлива. В нем затронуты социальные и философские вопросы — система управления, достоинства и недостатки демократии, важность свободы, необходимость или оправданность революционного насилия, роль демагогов в демократическом обществе.

Размышления По на эти темы нашли отражение во многих его произведениях — философских диалогах «Беседа Моноса и Уны», «Месмерическое откровение», «Mellonta Tauta», в трактате «Эврика». О том, что они затронуты и в «Системе доктора Смоля и профессора Перро», пишут нечасто. Отечественные критики этому рассказу внимания практически не уделяли, за исключением Ю. В. Ковалева, который увидел в нем лишь отражение разных типов сознания, а также представление о невозможности подчас провести грань между безумием и разумом («отграничить больное сознание от здорового») ¹⁷. Значение рассказа, однако, этим не исчерпывается.

¹⁶ *Hayes K.J.* "Lunatics in Power" (1909): A Neglected Poe Film // *The Edgar Allan Poe Review*. 2000. Vol. 1, No. 1. P. 15.

¹⁷ *Ковалев Ю. В.* Эдгар Аллан По — новеллист и поэт. Л.: Художественная литература, 1984. С. 194–197.

Содержание

От автора	5
1. «Американские» рассказы Эдгара По	9
2. Мир и человек в философской системе Эдгара По	27
3. Генри Торо: нонконформист в эпоху конформизма	41
4. Ральф Эмерсон. «Философия жизни». Мысли о культуре	58
5. «Американская Коринна». Маргарет Фуллер и трансценденталисты	76
6. О фантастическом в романе Мелвилла «Моби Дик»	91
7. Генри Адамс о демократии и природе власти	110
8. Портрет героя на фоне Нью-Йорка 1920-х	119
9. Мир и война Эрнеста Хемингуэя	141
10. Эрнест Хемингуэй и американские романтики	157
11. Философские романы Джона Гарднера	168
12. Продолжение традиции. Заметки об американском романе конца XX века	182

Elvira Osipova

THE AMERICAN ACCENT

Essays on the 19th and 20th century US writers

Contents

Foreword	5
1. The “American” Tales of Edgar A. Poe	9
2. E. A. Poe’s Philosophy: A Reconstruction	27
3. Henry Thoreau: The Nonconformist in the Age of Conformism	41
4. Ralph Waldo Emerson. “The Philosophy of Life”. Thoughts on Culture	58
5. “The American Corinna”: Margaret Fuller and <i>The Dial</i>	76
6. On the Fantastic in Herman Melville’s <i>Moby Dick</i>	91
7. Henry Adams on Democracy and the Nature of Power.	110
8. The Portrait of the Hero on the Backdrop of New York in the 1920s (F.S. Fitzgerald’s <i>The Great Gatsby</i>	119
9. Peace and War in Ernest Hemingway.	141
10. Hemingway and the American Romantics.	157
11. John Gardner’s Philosophic Novels	168
12. Notes on the American Novel at the End of the 19 th Century.	182